

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В КУЛЬТУРЕ ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДА ИЗУЧЕНИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНО-МИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР

Андрей Владимирович ПОПОВКИН, аспирант Института истории ДВО РАН

В настоящее время многие отечественные ученые — этнографы, антропологи и философы — проявляют повышенный интерес к изучению иррационально-мистических аспектов традиционных культур (Е.А. Торчинов, В.В. Малявин и др). Длительное время этому вопросу в силу идеологических причин не уделялось должного внимания, в связи с чем в основном применялись обычные методы исследования духовной культуры. Мы же полагаем, что необходимо соблюдение некоторых особых принципов, без которых такие исследования просто не дают адекватного знания. Основная причина видится в том, что изучение указанных аспектов традиционной культуры есть по сути изучение мистического опыта, в то время как наука, создавшая техногенную цивилизацию и сама являющаяся ее продуктом, ориентирована на позитивный опыт. В этой работе мы попытаемся найти принципы исследования иррационально-мистических аспектов традиционных культур, которые бы позволили полнее применить потенциал научных методов познания.

Некоторые мысли о природе иррационально-мистического опыта

В обыденном сознании, а иногда и в науке мы можем наблюдать отождествление оппозиций мистическое /позитивное и иррациональное/ рациональное. Это существенная ошибка.

Для прояснения соотношения позитивного и мистического, рационального и иррационального познания воспользуемся предложенной К.Г. Юнгом (18, с. 22) моделью функциональной связи сознания с внешней средой, т. е. получения опыта. Она схематически представлена на рис. 1. К позитивному знанию западная культура относит мышление, ощущение, чувство. Интуицию же Юнг полагал более соответствующей мифологическому (мистическому) мышлению. Природа интуиции до сих пор является предметом споров в гносеологии.

Рациональное в философии чаще всего трактуется как дискурсивно-логическое, т. е. как мышление, отражающее формы и структуры. Иррациональное — это то, что не схватывается понятийным мышлением. Как утверждает философия иррационализма, это есть, в первую очередь, изменчивость бытия.

Однако исследование соотношения рационального и иррационального не окончено. Так, М.А. Розов ставит перед собой задачу «...показать, что рациональность сама по себе имеет свои границы...», которую, на наш взгляд, вполне успешно решает. Более того, автор говорит о различных типах таких границ. Отношению рационального и иррационального посвящена работа известной отечественной ис-

		мышление
		1
		ощущение
		4
интуиция		
2		
		чувство (эмоции)
		3

Рис. 1.

следовательницы Н.С. Мудрагей «Рациональное — иррациональное: взаимодействие и противостояние» (15, с. 85), в которой она показывает, что «рациональное и иррациональное в их взаимозависимости и противоборстве не только не исключают, но самым необходимым образом дополняют друг друга».

Для более глубокого исследования основной проблемы мы попытаемся рассмотреть некоторые онтологические и гносеологические основания, определяющие ограниченность рационального и наличие иррационального в познании бытия. Такая постановка вопроса не нова, в качестве примера можно привести исследование А.Н. Арлычева «Об иррационализме как философии изменчивости» (2, с. 21—38). В нем автор, понимая Абсолют как некий процесс, полагает основой иррационального бытия в аспекте изменчивости, т. е. энергетическую динамику процесса, рациональность же, по его мнению, ограничена структурным аспектом бытия.

Хотя такое понимание является диалектическим развитием взглядов европейского иррационализма, оно все-таки не отражает некоторые аспекты природы иррационального, которые мы и намерены рассмотреть. Кроме того, принимая рациональное как некую ограниченную область, на что, как было отмечено выше, имеются достаточные основания, мы попытаемся показать, что лежащее за его пределами иррациональное не однотипно, а может быть разделено на до-рациональное и сверхрациональное.

Иррациональное — инстинктивное

Современная наука, хотя и не находит у животных признаков сознания, все же признает за ними способность к мышлению, но не абстрактному, к которому способен только человек, а конкретно-образному. Ведь известно, что животные способны к накоплению опыта, а опыт, по словам Аристотеля, «...есть знание единичного» (1, с. 66). Понятие «единичное» в данном случае употребляется, на наш взгляд, в значении индивидуального.

Один из величайших представителей западной рационалистической философии Лейбниц говорил: «...индивидуальность заключает в себе бесконечность» (9, с. 291). Это означает, что невозможно составить абсолютно полное описание какой-либо единичной вещи. Наш рассудок способен схватывать только некие общие моменты, хотя степень общности может сильно различаться. Ярким примером недоступности индивидуального чисто рациональному познанию может служить так называемая проблема распознавания образов: компьютер должен «узнать» конкретного человека или какой-либо другой предмет или класс предметов. Современные компьютеры решают задачи при помощи программ, реализующих нужные алгоритмы, т. е. являются своего рода квинтэссенцией рационального мышления. Несмотря на успехи математики и компьютерной техники, задача узнавания компьютером конкретного человека, т. е. индивидуальности, не решена до сих пор — стоит, например, опознаваемому человеку улыбнуться и для компьютерной программы это уже другой человек. В то же время, любой из нас легко опознает знакомого, какое бы выражение лица у того ни было. Животные и вовсе являются мастерами в познании индивидуального.

Таким образом, ясно, что человек хотя и способен к познанию индивидуального, его знание, очевидно, не является рациональным. С другой стороны, именно оно составляет опыт, на основе которого путем абстрагирования и возникает рациональное знание.

В философии Канта ограниченность рационального осмысления опыта выразилась в непознаваемости «вещи в себе». Эти границы познания, установленные Кантом, послужили в западноевропейской философии толчком к исследованию иррациональных аспектов бытия. Вслед за Кантом, взявшим одним из девизов своей философии вопрос «что я могу знать?», философы иррационалистического направления продолжили исследования познавательной способности человека, но сосредоточились больше на субъективных моментах человеческого знания, таких как вера у Якоби, страх у Кьеркегора, воля у Шопенгауэра, и т. д. Эти философы за точку отсчета берут индивидуальную психику человека, рассматривая ее как непосредственную чувственность, которая абсолютно иррациональна и может быть определена лишь интуитивными средствами. Видимо, вследствие такой исходной установки, иррациональная философия не могла не прийти к идее общности способа познания иррационального для человека и животного. Например, Шопенгауэр к познанию иррационального относит созерцательное знание, причем в его определении такой способ познания присущ

как людям, так и животным, для которых характерен непрерывный поток чувственного созерцания. Еще более отчетливо эту идею проводит Бергсон, определяя интуицию как некий особый инстинкт. Следовательно, в западной философии иррациональное рассматривается в основном как дорациональное и его познание сводится в основном к чувственной интуиции.

Рациональное — дискурсивно-логическое. Рациональное в большинстве случаев определяется как дискурсивно-логическое и предполагает познание истины в абстракциях, т. е. в понятиях, отражающих некие общие свойства. Единичное, т. е. индивидуальность во всей ее полноте и изменчивости, по сути, остается вне рации. Кроме того, попытка постижения мира в понятиях неявным образом априори предполагает взгляд на мир как на совокупность *отдельных* объектов, как, например, предметы, определяемые понятиями, принадлежащими к разным родам, что получило яркое выражение в философии Аристотеля.

Можно взять сколь угодно малый (количественно) класс объектов, но в рациональном познании мы будем иметь дело лишь с дискретной реконструкцией реальности. В этом смысле рациональное является диалектическим отрицанием дорационального, представляющего собой, как мы уже говорили, непрерывный поток чувственного созерцания (восприятия).

Сверхрациональное — интеллектуальная интуиция. Приведенные выше рассуждения приводят к тезису — дорациональное, единичное и антитезису — рациональное как дискурсивно-логическое, общее. Возможен ли диалектический синтез, который можно было бы назвать сверхрациональным? Полагаем, что возможен. Признаками такого познания должны быть как рациональные, так и иррациональные аспекты, проявляющиеся в нем в зависимости от контекста и точки зрения. Областью определения для сверхрационального будет универсальное.

Действительно, существует ряд проблем и понятий, являющихся не просто общими, а имеющими универсальный характер. Некоторые из них представлены в кантовской философии как антиномии разума. Решение этих вопросов для разума противоречиво. Причина в том (как показал в своей философии Кант), что универсальные проблемы лежат вне сферы применимости методов рационального познания, в частности, спекулятивного метода.

Мы находим разработку проблем познания универсального во многих религиозно-философских доктринах как на Западе, так и на Востоке. Например, исследованию поиска сверхрационального в западной и особенно в русской философии посвящена работа А.А. Новикова «В поисках «сверхрациональности» (15, с. 104). Правда, в ней автор одной из основных причин такого поиска называет морально-религиозную. Мы же полагаем, что проблема имеет еще гносеологическое и даже онтологическое основание.

Например, в философии Шеллинга выделяется особый способ познания — *интеллектуальная интуиция*, которая выступает как синтез созерцательного познания и понятийного мышления и является, по словам В.Ф. Асмуса, высшей диалектической ступенью интеллекта (3, с. 193). Известный последователь традиционализма Р. Генон в своей работе «Очерки о традиции и метафизике» утверждает, что постижение любого традиционного метафизического учения Востока невозможно без участия интеллектуальной интуиции, более того, «...интеллектуальная интуиция представляет собой в одно и то же время и средство познания и само знание, в котором субъект и объект познания тождественны друг другу» (5, с. 129). Хотя характер интеллектуальной интуиции трактуется в различных философских системах по-разному, в большинстве случаев она понимается согласно определению Н.О. Лосского как «...усмотрение идеальной целостности мира...» (10, с. 198). Отметим, что именно в сфере универсального мир необходимо рассматривать в аспекте единства.

В настоящее время широко распространено мнение об иррациональности многих философских учений Востока, таких как Дзен, Даосизм, Адвайта-Веданта и др. Но встречаются и прямо противоположные мнения (8, с. 102 и далее), когда исследователи усматривают в восточных учениях просто особый тип рациональности (чаще всего символический). Причина разброса мнений, на наш взгляд, именно в двойственной природе самого иррационального.

Следует отметить, что в восточных метафизических доктринах иррациональное представлено не только и не столько дорациональным, сколько сверхрациональным, глубокое исследование многих аспектов которого мы находим в таких метафизических доктринах Востока как, например, Веданта и Даосизм. Напри-

мер, Ф. Меррел-Вольф в своей работе «Математика, философия и йога» (12), рассматривая с позиций адвайта-веданты отношение *недвойственного сознания* (сверхрациональное) к обычному двойственному сознанию (рациональное), трактует его как отношение непрерывного и дискретного соответственно. То есть, мы видим, что недискретность, присущая дорациональному мышлению животных, возникает вновь в сверхрациональном. В даосизме, по-видимому, отрицается дискретность в смысле существования абсолютно отдельных объектов, но в то же время признается наличие в Дао (мировом процессе) неоднородностей и полюсов, которые и обеспечивают все многообразие наблюдаемых форм и предметов. В этой непрерывности сверхрационального понятия содержатся как снятые.

Таким образом, мы получили диалектическую триаду, охватывающую весь спектр человеческого познания: дорациональное — рациональное — сверхрациональное. Эта триада может быть использована как инструмент изучения различных иррационально-мистических традиционных доктрин Востока, исследования проблем религиозной философии и открывает, на наш взгляд, новые возможности для изучения самой природы иррационального.

Сверхчувственное восприятие. Необходимо также рассмотреть еще один вид иррационального познания — так называемое сверхчувственное восприятие. Собственно, оно составляет основу мистического познания. Многочисленные свидетельства убеждают нас в реальности такого познания. Однако механизм его до сих пор не ясен, полагаем, что здесь вновь уместно обратиться к модели человеческой психики, предложенной К.Г. Юнгом (см. рис. 2). Самость согласно Юнгу — это вся человеческая психика в целом, именно она взаимодействует с реальностью. Мы же осознаем только часть этого взаимодействия, приходящуюся на наше Эго, об остальной части можно судить лишь косвенно, по сигналам от нашего бессознательного. Однако в последнее время получила развитие так называемая *трансперсональная* психология, изучающая состояния сознания, выходящие за границы человеческой индивидуальности (подробнее см. (6)). Этим состояниям соответствуют переживания различной степени единства бытия — от единства двух людей, до единения с Космосом.

Как отмечают исследователи, такие состояния зачастую сопровождаются различными видами сверхчувственного восприятия (С. Гроф (6), Е.А. Торчинов (16) и др.). Связано это, на наш взгляд, с тем, что в трансперсональных состояниях происходит размывание границ эго-сознания, в результате чего Самость становится более целостной, интегрированной. Это дает возможность проявиться каким-то новым системным качествам. Человеческое восприятие в таком интегрированном состоянии получается чем-то большим, нежели сумма восприятий пяти чувств. Более того, в таком состоянии целостности (холотропности), как отмечает С. Гроф в работе «Космическая игра: исследование рубежей человеческого сознания» (6), изменяется и характер работы интеллекта: «Особенно интересным аспектом холотропных состояний является их воздействие на процессы мышления. Интеллект не получает повреждений, но работа его весьма отличается от обычного функционального режима. И хотя в таких состояниях мы не можем положиться на свои суждения по обычным практическим вопросам, на нас может буквально обрушиться поток удивительной новой информации, касающейся великого множества других моментов. Нас могут посетить глубокие психологические прозрения, проливающие свет на нашу личную историю, на бессознательные силы, которые движут нами, на наши эмоциональные затруднения и межличностные проблемы. Мы можем также испытать необычайные откровения, затрагивающие различные аспекты природы и космоса и намного превосходящие нашу образовательную и интеллектуальную подготовку. Большинство этих интереснейших прозрений, которые открываются в холотропных состояниях, сосредоточено вокруг философских, метафизических и духовных проблем» (6, с. 17).

Итак, мы показали, что сверхчувственные восприятия и интуитивные прозрения, возможно, есть проявления неких интегральных свойств человека, его психической и телесной природы. Проявление этих свойств требует значительно большей интегрированности психофизической структуры человека, чем в нормальном

Рис. 2. Самость

состоянии сознания. В трансперсональной психологии такие состояния называются *холодропными*.

Можно, однако, задаться вопросом: есть ли пределы человеческого интеллектуального познания? Мистики и традиционалисты дают положительный ответ на этот вопрос. Рассматривая универсальное как бытие, можно найти оппозицию ему — это небытие. Многие традиционные метафизические доктрины, такие как неоплатонизм, адвайта—веданта, даосизм, полагают, что бытие и небытие являются аспектами Абсолюта. Но здесь мы уже входим в область чистого мистицизма и, по словам основателя одной из влиятельнейших школ духовного развития Ошо Раджниша (13), сказать об этом уровне реальности уже ничего нельзя, т. е. бесполезно пытаться выразить познание этого уровня Абсолюта в понятиях.

Вывод. Основные принципы изучения иррационально-мистических аспектов традиционных культур.

Из вышеприведенных соображений о природе мистического опыта вытекает ряд принципов изучения иррационально-мистических аспектов традиционной культуры. В этнографии эти методы можно разделить на два основных: метод отстраненного (простого) наблюдения и метод включенного наблюдения. Рассмотрим сначала принципы, которым должно удовлетворять отстраненное наблюдение. Во-первых, следует отметить, что описание мистического опыта субъектом (а равно и наблюдателем) определяется его культурными архетипами. По этому вопросу существуют две гипотезы. Первая утверждает, что сам характер опыта, т. е. характер отношений с реальностью, определяется культурной средой. Вторая полагает, что мистический опыт одинаков во всех культурах, и только его описание определяется культурной средой, т. е. архетипами культуры, действующими в подосознании. Из этого следует, что вне зависимости от того, какой гипотезы придерживается исследователь, необходимо тщательное изучение религиозно-метафизической доктрины исследуемой культуры. Либо, если доктрина не присутствует в культуре в явном виде, как, например, в Индии и Китае, то необходимо ее вычленение из присущей изучаемой культуре мифологии. Вторым важным моментом является выявление архетипов данной культуры и изучение их характерных черт и взаимосвязи с традиционной метафизической доктриной.

После проведения наблюдений, используя знание традиционной метафизической доктрины и основных архетипов изучаемой культуры, необходимо осуществить интерпретацию описания наблюдения (непосредственного, либо полученного от респондента) в терминах соответствующей традиционной метафизической доктрины и отношений, соответствующих культуре архетипов с возможным последующим переводом интерпретации в систему научно-философских категорий.

Другим методом этнографического исследования является включенное наблюдение. Это, на наш взгляд, наиболее адекватный способ исследования иррационально-мистических аспектов традиционной культуры, так как исследователь в этом случае получает весь набор опыта — больше задействуется сфера иррациональных способов познания. Кроме того, как говорилось выше, мистическое переживание захватывает всю Самость, в то время как простое наблюдение относится преимущественно к сознательной области психической деятельности.

Во включенном наблюдении можно выявить три основных этапа: обретение опыта, описание и анализ. Получение непосредственного опыта является основной задачей включенного наблюдения. При изучении иррационально-мистических аспектов культуры это будет соответственно мистический опыт. Одной из характерных его особенностей является трансформация личности субъекта. Говоря о сверхчувственном познании, мистический опыт можно рассматривать как расширение сознания (кратковременное), т. е. трансперсонализацию. Такой опыт приводит к изменению мировоззрения субъекта и, как следствие, комплекс Эго (личность) «пересобирается» с учетом нового мировоззрения. Более подробно этот процесс рассматривался в статье «Ушу Тайцзи-цюань: философско-мировоззренческие основания и методы изучения» (14) на примере различных методов практического изучения ушу, созданного китайскими даосами, на Западе и в России.

Принципы описания и анализа результатов включенного наблюдения в общем аналогичны соответствующим принципам отстраненного наблюдения, но есть некоторые моменты (самонаблюдение и самоанализ), требующие особых психологических навыков. В нейролингвистическом программировании это называется работой в «третьей позиции», что означает отстраненное наблюдение человеком происходящих вне и внутри него процессов.

Рассмотрим несколько типичных примеров исследования иррационально-мистических аспектов традиционных культур.

1. Исследования Карлоса Кастанеды. Как известно, Карлос Кастанеда получил докторскую степень по антропологии за свою книгу «Путешествие в Икстлан» (7). В ней он дал описание своего обучения у индейского мага в системе терминов и архетипов изучаемой культуры, добавив дневниковые записи собственных переживаний. Фактически Кастанеда превратился в носителя изучаемой традиции, вследствие чего произошла переориентация ценностей, и научное исследование проблемы отошло на задний план.

2. Мистико-магические аспекты традиционной китайской культуры.

а) Исследование соотношения формальных движений в ушу (традиционном китайском боевом искусстве) и протекания мистической энергии *ци*.

Известный отечественный китаист В. Малявин в работе «Традиция «внутренних школ ушу» (11) говорит о недостатках метода отстраненного наблюдения при изучении соотношения между формами движений ушу (позитивный момент исследуемого явления) и энергией *ци* (мистический момент исследуемого явления). На основании анализа китайских первоисточников и собственных наблюдений он пишет: «Обычно с разучивания подобных типовых фигур и начинается постижение секретов различных традиций ушу. Какое же место в практике ушу занимают эти фигуры? Отметим прежде всего, что перед нами обозначения определенного качества движения, и это качество, запечатленное в глаголах, составляет своеобразный фокус ситуации, сердцевину типовой формы. Овладение этими нормативными жестами, которое носит характер как бы телесного усвоения, *знаменует* стяжание определенной энергии. Откровенно символическая природа названий таковых фигур *указывает на несоответствие их формы и содержания* (курсив везде мой. — А.П.), устанавливает пределы вещей (что всегда свершается в метафоре) и тем самым побуждает преодолевать границы своего опыта, устремляться вовне себя» (11, с. 20).

Теперь рассмотрим цитату из работы современного практика даосской традиции (включенное наблюдение), публикующего свои работы под псевдонимом ЧОМ, где он описывает одну из форм удара рукой: «...Ни в коем случае нельзя это движение воспринимать как удар, это «проявление силы»... В результате действия этой силы энергия по кратчайшему пути направляется из Дань-тяня в Ниван-гун (центр головы)» (17, с. 142).

Таким образом, там, где отстраненный исследователь увидел лишь символ явления (движения энергии *ци*), включенный исследователь, т. е. человек, имеющий непосредственный опыт, говорит о самом движении энергии *ци*. Здесь важно отметить, что в выводах В. Малявина нет какой-либо логической ошибки; мы имеем дело с недостатками метода отстраненного наблюдения.

б) Исследование феномена передачи энергии *ци* через стену.

В книге известного специалиста по ушу и цигун Вон Кью-Кита «Искусство цигун» (4) описана неудачная попытка исследования группой американских ученых феномена передачи *ци* через стену. Легко наблюдаемыми проявлениями этого процесса служат произвольные движения реципиентов. Выполнял передачу *ци* через стену китайский мастер цигун. Когда по просьбе ученых он прекратил ее, добровольцы в другой комнате продолжали двигаться. Ученые попросили мастера остановить их движения, но он сказал, что не может этого сделать, потому что поток *ци* будет продолжаться еще некоторое время. «Тогда ученые, — пишет Вон Кью-Кит, — заявили, что их обманывали, так как мастер потерял контроль над ситуацией. Поскольку движения добровольцев были вызваны потоком *ци*, исходящим от мастера, ученые ожидали, что он способен оперативно вмешиваться на любой стадии эксперимента» (4, с. 251).

Причина «провала» исследования заключается, на наш взгляд, в том, что не был произведен адекватный (а в описываемом случае вообще никакой) «перевод» понятий и концепций. При изучении специфических феноменов одной культуры (восточной) были использованы понятия и категории другой (западной), для которой эти феномены совершенно чужды. Мы говорим о таких понятиях, как контроль и управление. Смысл, вкладываемый в эти понятия даосской традицией, в рамках которой в основном развивался цигун, существенно отличается от принятого в западной науке. Как справедливо отмечает Вон Кью-Кит, исследователям в этом случае следовало бы «...делать оценку происходящего в рамках соответствующих понятий» (4, с. 252).

В западной культуре нет понятий, соответствующих понятиям «ци», «инь — ян» и т. д. Исследователь как бы оказывается в ситуации, когда необходимо измерить вес линейкой. Как мы знаем из школьного курса физики, положение не безнадежно, если известна плотность материала, что означает знание метафизической доктрины и архетипов исследуемой культуры. Кроме того, как при измерении веса линейкой необходимы промежуточные расчеты, так и при изучении специфических явлений культуры необходимо давать этим явлениям интерпретацию, особенно если речь идет об иррационально-мистических феноменах. Причем первоначально это должна быть интерпретация в терминах, соответствующих феномену метафизической доктрины и архетипов, а затем уже можно пытаться переводить ее на язык современной науки, используя на этом этапе данные, полученные с помощью современных измерительных средств.

* * *

Таким образом, изучение рационально-мистических аспектов требует тщательного выбора и проработки метода исследования. В частности, необходимо знание метафизической доктрины, принятой в изучаемой традиционной культуре. Следует также иметь описание основных архетипов, присущих этой культуре. Для использования включенного наблюдения желательны навыки самонаблюдения и самоанализа (т. е. работы в третьей позиции). Кроме того, чтобы исследование могло войти в научный оборот, необходима адекватная интерпретация результатов наблюдения, которая невозможна без учета всех вышеприведенных принципов исследования. Соблюдение их, на наш взгляд, способно значительно углубить понимание иррационально-мистических аспектов традиционных культур.

1. *Аристотель*. Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1.
2. *Арлычев А.Н.* Об иррационализме как философии изменчивости // «Россия и АТР». 1997. № 2. С. 21—38.
3. *Асмус В.Ф.* Проблема интуиции в философии и математике. (Очерк истории: XVII — начало XX в.) М.: Соцэкгиз, 1963.
4. *Вон Кью-Кит*. Искусство цигун. М., 2000.
5. *Генон Р.* Очерки о традиции и метафизике: СПб., «Азбука», 2000.
6. *Гроф С.* Космическая игра: Исследование рубежей человеческого сознания. М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2001.
7. *Кастанеда К.* Учение дон Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Икстлан. Сказки о силе. К.: «София», 2000. Т. 1.
8. *Клири Т.* Японское искусство войны: Постигание стратегии. Перев. Котенко Р.В. СПб.: Евразия. 2000.
9. *Лейбниц Г.В.* Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 2.
10. *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Сост. А.П. Поляков. М.: Республика, 1995.
11. *Малявин В.В.* Традиция «внутренних школ» ушу. М.: «Гиль-Эстель», 1993.
12. *Меррел-Вольф Ф.* Математика, философия и йога. К.: «София», Ltd., 1999.
13. *Ошо.* Семь центров жизненной энергии. Наука Чакр. К.: «София», 2001, М.: ИД «Гелиос», 2001.
14. *Поповкин А.В.* Ушу Тайцзи-цюань: философско-мировоззренческие основания и методы изучения. // «Россия и АТР». 2002. № 2. С. 102—111.
15. Рациональность на перепутье. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. Кн. 1.
16. *Торчинов Е.А.* Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. 2-е изд., испр.
17. *ЧОМ.* Алхимия Тайцзи-цюань. ЗЕМЛЯ Орел: ИНБИ, 2002.
18. *Юнг К.Г.* Аналитическая психология. СПб., МЦНКит «Кентавр», Институт Личности, ИЧП «Палантир», 1994.

Summary: «Irrational Aspects in Culture» is the title of the article written by a post-graduate student of the Institute of History Andrei Popovkin. The author being one of numerous Russian scholars-ethnographers, anthropologists and philosophers — studies irrational-mystical aspects of traditional cultures. The author makes an attempt to find research principles of the problem that makes scientific investigation more complete.